

- arabisch-persisches Handwörterbuch. Bd. I. Leipzig, 1866, 92: еingenommen (geistig) von Erstaunen, Bestürzung, Betrübnis, Liebe u.w.; occupé de q.ch.; stupéfait, troublé, attristé, amoureux.
- ²³ Гагаузско-русско-молдавский словарь. М., 1973, 44; Турецко-русский словарь. М., 1931, 61; Ойротско-русский словарь. М., 1947, 17; Хакасско-русский словарь. М., 1953, 24.
- ²⁴ Рясянен М. Материалы по исторической фонетике тюркских языков. М., 1955, 72, 78, 131, 137; Егоров В.Г. Чăвашла-вырăсла словарь. Шупашкар, 1935, 301.
- ²⁵ См. их перечень в автореферате: Исаев Ю.Н. Чувашиские эмотивные антропо-семизмы и их синонимические ряды (пейоративное синонимическое поле “человек”). Чебоксары, 2002, 12–16, 17–18, 20–21.
- ²⁶ Doerfer G. Türkische und mongolische Elemente im Neupersischen, Bd. II. Wiesbaden, 1965, 116; Joki A. Die Lehnwörter des Sajansamojedischen (= MSFOu 130). Helsinki, 1952, 65–66.

А.К. Матвеев

СУБСТРАТНЫЕ ТОПОНИМЫ С ДЕТЕРМИНАНТОМ -КОНДА В ПОВАЖЬЕ

В субстратной топонимии бассейна Ваги, крупного левого притока Сев. Двины, наряду с широко распространенными на Русском Севере (РС) структурными типами с формантами *-Vньга*, *-Vша* и т.п., есть и ряд узколокальных, которые находят соответствия на более южных территориях – в исторических мерянских землях (ИМЗ). Именно вокруг этих наименований завязалась в последнее время оживленная полемика¹. За пределами научной дискуссии остались, однако, еще некоторые характерные для Поважья топонимические типы. Среди них особый интерес представляют до сих не интерпретированные названия населенных пунктов и угодий с детерминантом *-конда*, которым и посвящена эта статья. Материал извлечен из картотеки Топонимической экспедиции Уральского университета.

К настоящему времени в Поважье выявлено 18 топонимов с детерминантом *-конда*, в том числе 5 ойконимов (куст деревень *Кь́рконда*, деревни *Па́сконда*, *Ра́чконда*, *Со́роконда*, *Шь́рконда*). Другие названия обозначают луга (*Во́шконда*, *Е́шконда*, *Ке́роконда*, *Ку́мсконда*, *Ма́йконда*, *Ме́рконда*, *Ла́вконда*, *Шо́рконда*) и поля (*Ва́ськонда*, *Му́рконда*, *На́рконда*, *Пе́чконда*, *Те́пконда*). Ударение всегда находится на первом слоге. В гласных анлаута и ауслаута колебания не отмечены. Однако в предпоследнем слоге, т.е. в анлауте детерминанта обычно фиксируются как формы с *о*, так и *а* (*Кь́рконда* – *Кь́рканда*, *На́рконда* – *На́рканда* и т.п.), хотя встреча-

ются топонимы только с *о* (*Мáйконда*) или *а* (*Тéпконда*). Это связано с влиянием постепенно распространяющегося аканья. Но поскольку названия относятся к одному ограниченному ареалу, следует считать, что первоначально детерминант во всех случаях имел форму *-конда*.

Детерминант *-конда* находит объяснение в прибалтийско-финских языках, ср. фин. *kontu* ‘дом’, ‘усадьба’, ‘хозяйство’, ‘имущество’, карел. *kondu* ‘дом’, ‘усадьба’, ‘земельный участок’, ‘угодье’, люд. *kond, kondu* ‘двор’, ‘усадьба’, ‘поместье’ (SKES II, 216). Эта этимология убедительно подтверждается сравнением с реалиями (см. выше), если учесть, что со временем усадьба (отдельный двор) могла стать деревней или даже кустом деревень (как *Кыркконда*) и, напротив, “запустеть”, но сохраниться как угодье – поле или покос, что и отражено в номенклатуре реалий. В прибалтийско-финской ойконимии названия такого рода обычны, ср. фин. *Kontu, Haudankontu, Rajakontu, Vaarankontu* и т.п.

В субстратной топонимии Европейской части России на детерминант *-канда, -конда* первым обратил внимание Д.П. Европеус, который интерпретировал его на угорской почве как “порог в реке”², что сразу опровергается при сравнении с реалиями. Позднее Я. Калима указал на карельские ойконимы *Kontu, Kondu*, а также название населенного пункта *Конда* в Каргапольском уезде Олонецкой губернии (в настоящее время эта деревня входит в состав Нямдомского района Архангельской области). Он сопоставлял эти наименования с фин. *kontu*, карел. *kondu* ‘дом’, ‘двор’ и т.п.³ И.И. Муллонен выявила в вепсской топонимии многочисленные следы былого функционирования лексемы **kond* ‘крестьянский двор с прилегающим участком земли’, ср. названия деревень *Kond, Minankond, Perjankond*, покосов и полей *Ukonkond, Hebokond, Ondrejankond* и т.п., и пришла к выводу, что эта лексема относится к числу типичных топонимов, известных практически всем прибалтийско-финским языкам⁴. Таким образом, прибалтийско-финское происхождение детерминанта представляется несомненным.

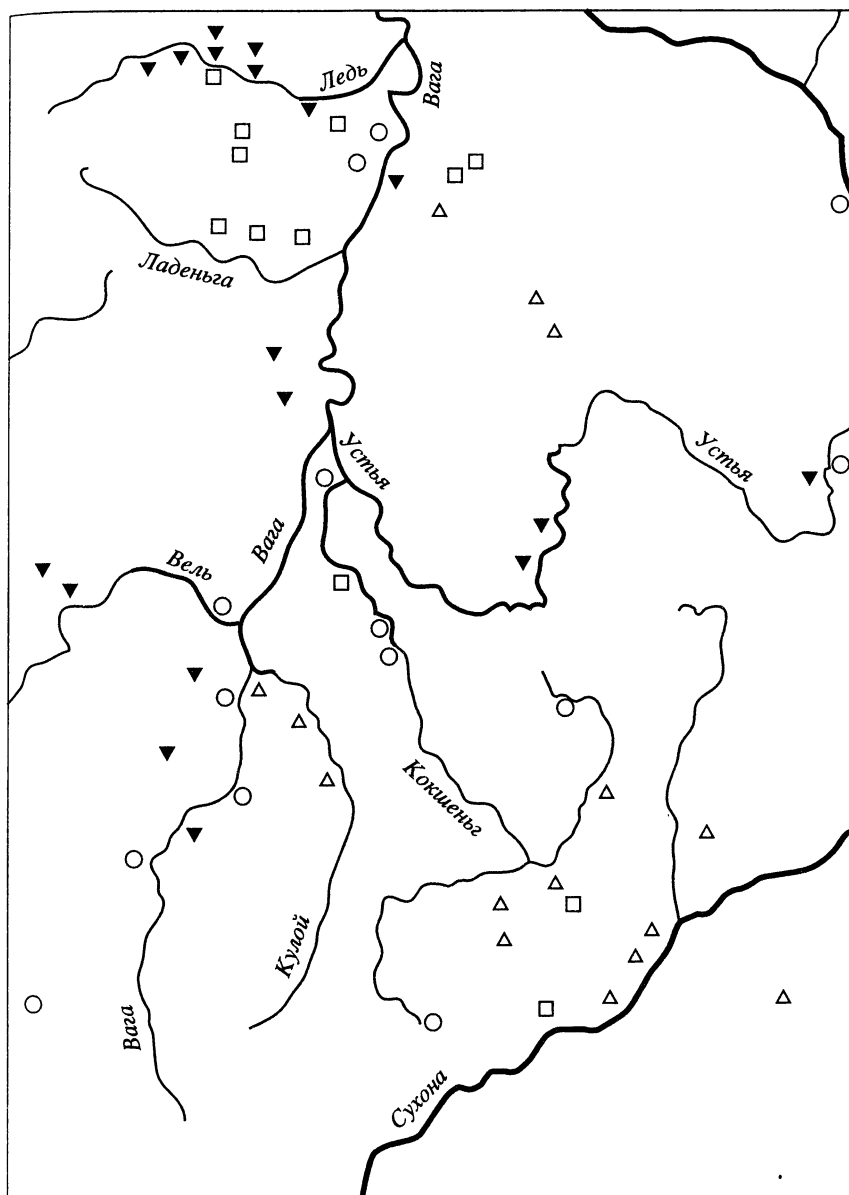
Возникает, однако, ряд вопросов, связанных с распространением топонимов с детерминантом *-конда* на РС и их отношением к прибалтийско-финской топонимии на этой территории.

Прежде всего оказывается, что на РС, кроме Поважья, топонимы с этим детерминантом встречаются чрезвычайно редко. Есть только один четкий рифмованный сегмент из четырех таких названий в Оштинском сельсовете Вытегорского района Вологодской области на южном берегу Онежского озера. Здесь засвидетельствованы названия лугов и полей *Пéдроконда, Пéкшоконда* (ср. рус. *Пекша < Петр*), *Сíдороконда* и *Я́коконда*, видимо, вепсского происхождения, имеющие в основе христианские имена, заимствованные

прибалтийскими финнами, ср. фин. *Petri, Pekka*, карел. *Pedri, Pedro, Pekka – Петр*, карел. *Sidari – Сидор*, фин. *Jaakko*, карел. *Joako – Яков*. На всей остальной огромной территории РС выявлено всего три подобных названия: уже упомянутый ойконим *Кóнда* в Няндомском районе Архангельской области, название луга *Юконда* в Каргапольском районе (см. фин., карел. *Jukka – Иван*) и поля *Чáшконда* в Красноборском районе той же области. Прибалтийско-финская субстратная топонимия распространена на всей территории РС, но наиболее богато она представлена в западной части региона, т.е. как раз там, где названия на *-конда* единичны, тогда как основная масса топонимов на *-конда* находится в центральной части РС. Однако и в Поважье довольно много прибалтийско-финских топонимов, например, с основами *муст-* (фин. *musta*, ливв. *mustu*, вепс. *must* ‘черный’, ср. *Мустова, Мустовица, Мустозеро*), *ихал-* (фин., карел. *ihala*, ливв. *ihalu, ihal* ‘красивый’, ‘прекрасный’, ср. *Ихала, Ихалово, Ихаловская*), *хаб-* (фин. *haara*, карел. *hoaba*, вепс. *hab* ‘осина’, ср. *Хабаль, Хабана*). Здесь же зафиксированы два типично прибалтийско-финских ойконима *Ракула*⁵. В Поважье отсутствуют некоторые характерные для прибалтийско-финских субстратных названий детерминанты, например, *-лахта* ‘залив’, *-пелда* ‘поле’, но распространены гидронимы на *-ой, -уй* (фин., карел. *oja* ‘ручей’) и *-сора, -зора, -сар, -сарь* (фин. *saara*, люд. *suar*, вепс. *sar* ‘ветвь реки’, ‘рассоха’). Если нанести на карту названия на *-конда* и прибалтийско-финские топонимы с перечисленными основами и формантами (см. карту 1), получим неожиданный результат: топонимы на *-конда* почти всегда образуют обособленные “рифмованные сегменты” среди прибалтийско-финских названий, а в некоторых случаях (бассейн реки Устья, участок Ваги между Устьей и Паденьгой) вообще не соприкасаются с ними. Смещение заметно только в северной части региона (бассейн реки Ледь), но и в этом случае названия на *-конда* в основном территориально обособлены от прибалтийско-финских наименований. Уже эти ареальные особенности топонимов на *-конда* заставляют задуматься над вопросом, действительно ли они прибалтийско-финские.

Обратимся теперь к основам. Оказывается, почти все основы (16 из 18) имеют исход на согласный звук: 15 характеризуются структурой CVC, одна – CVCC (*Кумс-*) и только две – CVCV (*Керо-, Сорро-*). Это свидетельствует о преобладании в основах языка-источника фонетической структуры CVC(C) и о возможности серьезных изменений в ауслaute основ под влиянием начального согласного детерминанта, что, конечно, серьезно затрудняет этимологизацию.

Учитывая значение детерминанта, следует предполагать, что в основах могут быть антропонимы. В нескольких случаях это вполне вероятно, ср. *Васьконда* и рус. *Вася*, карел. *Вася, Тепконда* и рус.

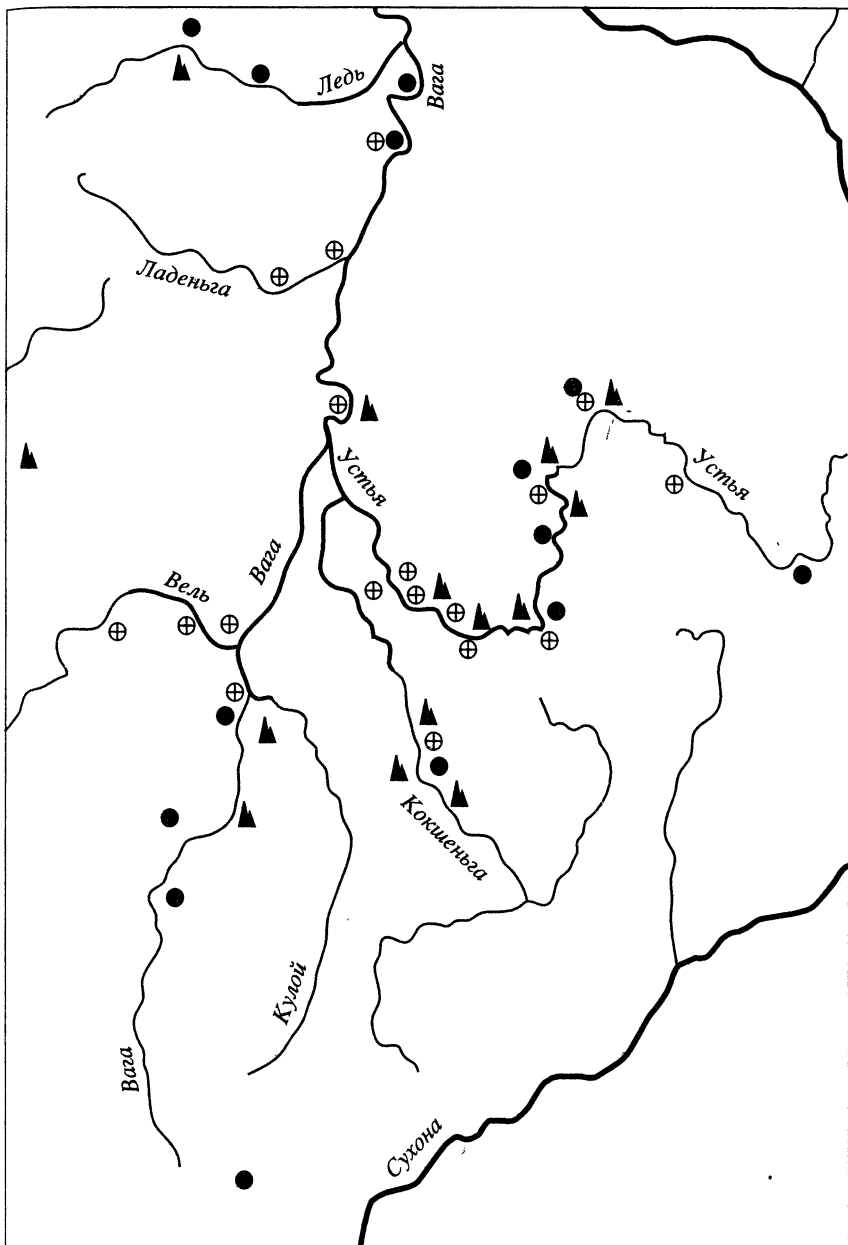
Карта 1. Прибалтийско-финские топонимы

- ▼ Названия с детерминантом *-конда*,   ▲ с детерминантами *-ой, -уй*,
- *-сора (-зора), -сар (-сарь)*.   ○ С основами *Ихал-, Муст-, Хаб-, Рак-*.

Степан, фин., карел. *Терро*. Однако антропонимы, заимствованные из христианского именника, далеко не всегда показательны при лингвоэтнической идентификации, поскольку в финно-угорских языках во многих случаях усваиваются однотипно, ср. карел. *Вася*, мар. *Вася*, *Васи*, коми *Вась*. Нет в названиях с детерминантом *-конда* и часто встречающихся типовых прибалтийско-финских топооснов *вехк-вахта* 'трилистная', *ихал-* 'красивый', 'прекрасный', *муст-* 'черный', *хаб-* 'осина' и т.п. Конечно, можно предположить утрату согласного по типу CVCC > CVC и восстановить основу *мурд в *Мурконда* (ср. фин., карел. *турто*, эст. *turd* 'бурелом'). Одна из основ типа CVC имеет, казалось бы, надежную прибалтийско-финскую этимологию, ср. *Майконда* и фин. *tajava*, *tajaa*, карел. *tajoa*, ливв. *tajai* 'бобр' или фин., ливв., люд. *taja* 'шалаш', 'избушка', но здесь же в Поважье находим название урочища *Майсогра* с детерминантом, необъяснимым на прибалтийско-финской почве. И это, пожалуй, все. Хотя материал ограничен, основы в ряде случаев, по-видимому, деформированы, среди названий есть антропонимы, этимологические характеристики предположительно прибалтийско-финского топонимического типа должны были быть более яркими.

Поэтому закономерен вопрос: может быть, этот четкий, удаленный от основной зоны прибалтийско-финских названий ареал, распадающийся на группы названий, территориально противопоставленные топонимам прибалтийско-финского происхождения, не содержащий наименований с основами, которые убедительно объясняются из прибалтийско-финских языков, несмотря на типично прибалтийско-финский детерминант, не связан с прибалтийско-финскими языками. Иначе говоря, названия с детерминантом *-конда* восходят к какому-то неприбалтийско-финскому языку РС, в котором, однако, функционировал географический термин – детерминант, типичный для прибалтийско-финских языков.

Естественно сравнить ареал *-конда* с ареалами других топонимических типов Поважья (см. карту 2), в частности, с названиями на *-бал(V)* 'поселение' и *Едьма*, которые предположительно идентифицируются как мерянские, и многочисленными названиями *Синий Камень*, русскими топонимическими индикаторами мери⁶. Сравнение карт 1 и 2 показывает, что ареал *-конда* вписывается в предположительно мерянские ареалы Поважья и что прибалтийско-финские и мерянские наименования в ареальном плане находятся в отношении дополнительной дистрибуции. Единственное заметное отличие – отсутствие названий на *-конда* в бассейне реки Кокшеньга, по-видимому, связано с тем, что здесь, судя по карте, усиливается прибалтийско-финское влияние и слабее представлены другие мерянские индикаторы, находящиеся в окружении прибалтийско-финских названий.

Карта 2

- Ойконимы на -бал(V)
- ⊕ Едьма
- ▲ Синий Камень

Это наблюдение позволяет предложить другую этимологическую интерпретацию детерминанта: фин. *kunta* ‘община’, ‘волость’, карел. *heimokunda*, ливв. *heimokunda* ‘племя’, ‘род’, ‘семейство’, люд. *heimokund* ‘род’ и с другим вокализмом саам. норв. *godde* (в *sokkâgodde* ‘род’, ‘родня’), мокша-морд. *koñdä* ‘друг’, ‘товарищ’ (SKES II, 238), ср. также саам. (Йоканьга) *jiemne – koñdte* ‘округ’, ‘местность’, ‘население округа, местности’⁷. Именно это слово обнаружила недавно А. Альквист в мерянских микрооиконимах с основой *Kund(V)*- на территории центральной мери (*Кунда*, *Кундылла*, *Кундынка* и т.п.), которые до сих пор еще часто воспринимаются как апеллятивы со значением ‘отдельная часть селения’⁸. Эти названия Альквист считает самыми распространенными показателями мерянской топонимии и связывает их этимологически с фин. *kunta* и другими прибалтийско-финскими, саамскими и мокша-мордовскими данными (см. выше). Ареальная принадлежность к зоне центральной мери действительно позволяет считать названия с этой основой одним из идентификаторов мерянской топонимии.

Ойконимия Поважья особенно показательна, если сравнить ее с наименованиями населенных мест на территории ИМЗ: всем ныне известным мерянским ойконимическим типам находится адекватное соответствие в Поважье. Мерянским названиям населенных пунктов на *-бал*, *-бол* (*Шухобал*, *Яхробол*) соответствуют важские ойконимы типа *Кубало*, *Сорбало*, наименованиям с формантом *-(V)дом*, *-(V)дам* (*Шельшедом*, *Шишадам*), предположительно обозначавшим какой-то особый вид поселения или группу поселений, волость⁹ – многочисленные важские названия населенных пунктов и урочищ *Едьма*¹⁰, наконец, выявленным А. Альквист центральномерянским наименованиям с основой *Kund(V)*- – топонимы на *-конда*, при этом варьирование гласных *о-у* (*-конда* ~ *Kund(V)*-) получает объяснение в оппозиции саамских и мокша-мордовских форм прибалтийско-финским. Разумеется, между мерянскими названиями Поволжья и топонимами Поважья есть определенные различия. Так, важские топонимы *Едьма* имеют мягкое *д'* и не употребляются в функции детерминанта, тогда как в ИМЗ зафиксированы названия с формантом *-(V)дом*, *-(V)дам*, а соответствующий географический термин реконструируется в виде **(j)edom* или **(j)edam*. В топонимии ИМЗ не обнаружен формант *-кунда*, соотносимый с выявленной основой *Kund(V)*-. Имеются различия в вокализме: *-конда* ~ *Kund(V)*-. Было бы, однако, наивно рассчитывать на точные корреляции. Повлиять могло многое: удаленность и относительная изолированность территории Поважья, а как следствие этого – возникновение специфических диалектных или даже языковых черт, разное время освоения русскими ИМЗ и Поважья и т.п. Определенную роль могла сыграть даже конкретная семантика: для обозначения отдельной части де-

рвни достаточно было использовать географический термин в функции микротопонима, а для номинирования выселков, хуторов, деревень нужна была дифференцирующая атрибутивная конструкция. Но суть дела не в этих различиях, которые имеют частный характер и в значительной степени объяснимы. Главное – выявление комплекса коррелятивных ареалов: нигде на РС нет ареалов *Едьма* и *-конда*, нигде на РС нет такой концентрации *Синих Камней*. Кроме того, в Поважье есть и ойконимы на *-бал(V)*, которые на РС тоже представлены далеко не везде. Такой комплекс не может быть случайностью. Не является простым совпадением и его аналог в ИМЗ. Выявленные соответствия, во-первых, объясняют специфичность названий на *-конда*, образующих изолированный ареал, который не связан с прибалтийско-финскими названиями этого типа и принадлежит не прибалтийским финнам, а важским мерянам, во-вторых, дают еще один аргумент в пользу связи всех специфических важских названий и топонимии ИМЗ, в-третьих, еще раз подтверждают, что названия на *-бал*, *-бол* и *-Vдом*, *-Vдам* в ИМЗ являются именно мерянскими.

Комплекс совпадающих ареалов на одной территории и его коррелятивность с аналогичным комплексом в другом месте обладает большой доказательной силой. Характерно, что А. Альквист, выдвигая разного рода аргументы, опровергающие, с ее точки зрения, мерянские связи важской топонимии¹¹, обходит самый существенный момент: наличие комплекса одних и тех же признаков в топонимии разных мест не может быть случайностью, если эти комплексы создаются суммой совпадающих ареалов. На РС нет других мест с таким набором мерянских индикаторов. Недифференцирующий, рассматриваемый как прибалтийско-финский изолированный ареал в сгустке изоглосс становится идентифицирующим, но не прибалтийско-финским.

Если названия с детерминантом *-конда* являются важско-мерянскими, становится понятным, почему трудно найти адекватные этимологии основ этих названий в прибалтийско-финских языках. Но тогда, как бы ни были деформированы основы, должны обнаружиться мерянские параллели. Есть два достаточно показательных дифференцирующих случая.

Название *Вошконда* находится близ топонима *Вожбала*, поэтому логично реконструировать более раннее **Вожконда*. Поскольку *Вожбала* уже интерпретировано на мерянской почве, как “Поселение на притоке” (*вож* < мерян. **bož* ‘приток’)¹², **Вожконда* означает ‘Дом (выселок, хутор, семья, род) на притоке’.

Название поля *Печконда* содержит одну из самых распространенных мерянских основ *печ* ‘сосна’ (ср. в ИМЗ: *Печегда*, *Печехра* и т.п.).

В других случаях этимология не установлена, но есть убедительные соответствия в топонимии ИМЗ: *Сороконда* и *Сорбало* (Поважье) – *Соренжа*, *Сорож*, *Сорохша*, *Сорохта* (ИМЗ); *Кероконда* и *Кера*, *Керогда* (Поважье) – *Кера*, *Керакса*, *Керома* (ИМЗ); *Нарконда* – *Наромша*, *Нарошма* (ИМЗ); *Ширконда* – *Широкша* (ИМЗ).

В заключение заметим, что в истоке детерминанта *-конда* в равной мере можно представить слово, родственное фин. *kontu* и фин. *kunta*. Любое из них могло быть в составе языка и топонимии важских мерян. Какое именно – трудно определить. Но для лингвоэтнической идентификации в данном случае определяющим являлся специфический ареал, коррелятивный с другими аналогичными ареалами.

Примечания

- ¹ См.: Матвеев А.К. Субстратная топонимия Русского Севера и мерянская проблема // ВЯ. 1996, № 1. *Он же*. Мерянская топонимия на Русском Севере – фантом или феномен? // ВЯ 1998, № 5. Альквист А. Мерянская проблема на фоне многослойности топонимии // ВЯ 1997, № 6. *Она же*. Меряне, не меряне... // ВЯ 2000, № 2, 3.
- ² *Европеус Д.П.* Об угорском народе, обитавшем в средней и северной России, в Финляндии и в северной части Скандинавии до прибытия туда нынешних жителей. СПб., 1874, 12.
- ³ *Kalima J.* Einige russische Ortsnamentypen // Finnisch-ugrische Forschungen. Band XXVIII. Heft 1–3. Helsinki, 1944, 114–116.
- ⁴ *Мулаонен И.И.* Очерки вепсской топонимии. СПб., 1994, 59, 106–107.
- ⁵ Подробности см.: Матвеев А.К. Древнее население севера Европейской России. Опыт лингвоэтнической карты I // Известия Уральского государственного университета, 13. Гуманитарные науки. Вып. 2. Екатеринбург, 1999.
- ⁶ См.: Матвеев А.К. Мерянская топонимия на Русском Севере – фантом или феномен?, 92–93, 97–99.
- ⁷ *Itkonen T.I.* Wörterbuch des Kolta- und Kolalappischen. Helsinki, 1958, 139.
- ⁸ Альквист А. Субстратная лексика финно-угорского происхождения в говорах Ярославско-Костромского Поволжья // *Studia Slavica Finlandensia*. Т. XV. Helsinki, 1998, 8–10. *Она же*. Меряне, не меряне // ВЯ 2000, № 3, 84, 90.
- ⁹ *Попов А.И.* Топонимия древних мерянских и муромских областей // Географическая среда и географические названия (сборник статей). Л., 1974, 19.
- ¹⁰ Матвеев А.К. Мерянская топонимия на Русском Севере – фантом или феномен?, 98–99.
- ¹¹ Альквист А. Меряне, не меряне... // ВЯ 2000, № 3.
- ¹² Матвеев А.К. Мерянская топонимия на Русском Севере – фантом или феномен?, 98.